

В конце 1921 г. университет был закрыт из-за недостатка финансирования, но уже в январе 1922 г., благодаря обращениям эстонской секции губкома ВКП(б), эстонской секции Совнацмена губоно и студентов закрытого Эстонского университета, коллегия Главпрофобра утвердила другое эстонское высшее учебное заведение – Институт практического народного образования. С 1923 г. этот вуз именовался Эстонским педагогическим институтом, однако просуществовал он недолго, так как в 1923 г. практические институты народного образования были ликвидированы. В августе 1923 г. постановлением Совнаркома РСФСР Эстонский педагогический институт в Петрограде преобразовывается в педагогический техникум повышенного типа с расширенной программой.

В основном специальные высшие учебные заведения для национальных меньшинств начали открываться с конца 1920-х гг. В 1928 г. в РСФСР было всего 3 национальных педагогических вуза, к 1929–1930 учебному году функционировало уже 8 национальных педвузов и 24 национальных отделения (в них обучалось около 4 тысяч студентов) [4, с. 10], а к 1932 учебному году их существовало уже 24 (эти цифры относятся ко всем нацменьшинствам, проживавшим в стране) [5, с. 794].

Стоит особо отметить довольно краткий период функционирования системы высшего образования для национальных меньшинств в Светской России-СССР. Этот процесс был прерван во второй половине 1930-х гг., началось ускоренное свертывание национального образования. Данный факт самым тесным образом связан с кардинальными изменениями в национальной политике государства, которые происходили в середине и во второй половине 1930-х гг.

Отношение руководства партии и правительства к национальной культуре (в т.ч. к национальному образованию) начало меняться еще в первой половине 1930-х гг. Шла переориентация от идеологии пролетарского интернационализма к лозунгам общенационального патриотизма. Немаловажным фактором, вынудившим руководителей СССР отыскивать дополнительные возможности для сплочения народа вокруг идей с более высоким объединяющим потенциалом, нежели пропаганда международной классовой солидарности рабочих и союза рабочих и крестьян внутри СССР, стал приход к власти А. Гитлера в Германии в 1933 г.

В середине – второй половине 1930-х гг. декларируется постулат об окончательном решении национального вопроса в СССР, в том числе и проблемы национальных меньшинств. Усиливаются процессы русификации и унификации. В связи с этим национальная культура, система национального образования, в том числе и высшего, целенаправленно уничтожаются.

Литература

1. Декреты Советской власти. Т.1. М., 1957.
2. Народные университеты. БСЭ. Т.14.
3. Смирнова Т.М. Национальность – питерские. Национальные меньшинства Петербурга и Ленинградской области в XX веке. СПб., 2002.
4. Национальная школа РСФСР за 40 лет. М., 1958. с. 10.
5. Чеботарева В.Г. Национальная политика Российской Федерации. 1925–1938. М., 2008.

Роль классического образования в формировании картины мира культурной элиты рубежа XIX-XX веков

к.и.н. Рафалюк О.Е.

Университет машиностроения
oksana_rafalyuk@mail.ru

Аннотация. В статье показаны роль и значение классических гимназий в формировании личности и духовного мира будущих представителей русского модернизма. Классицизм, т.е. изучение древних языков, как основа фундаментальных

знаний и способ развития мышления, сделал античность (мифологию, философию, культуру) «привычным языком» Серебряного века.

Ключевые слова: классическое образование, классицизм, гимназии, русская культура, Серебряный век, античное наследие, картина мира, модернизм, элита

Об эпохе, в которую происходило личностное и творческое становление будущих символистов, Валерий Брюсов позднее напишет так: «Я выросал в глухое время...» [7, с. 400]. Однако годы затишья в общественной жизни были одновременно годами напряженной внутренней работы, свершавшейся в умах и душах нового творческого поколения. Именно в 80-е гг. XIX столетия, в эпоху «духовного застоя», началось формирование нового типа интеллигента. Это был человек блестяще образованный, эрудированный, рефлексирующий, вернувшийся в русскую культуру из «позитивистского небытия» [9, с. 78] живой интерес к немецкой классической философии, античной культуре, мировому культурному наследию. Безусловно, важную роль в формировании личности и духовного мира будущих представителей модернизма сыграло «классическое» гимназическое образование.

Вячеслав Иванов писал: «Классицизм как тип школы и как норма эстетическая не прививается у нас, но никогда, быть может, мы не прислушивались с такой жадностью к отголоскам эллинского миропостижения и мировосприятия» [10, с. 236]. Однако «классическое» образование к концу XIX в. не только привилось, но и дало свои результаты. Ретроспективные итоги введения системы «классического» образования в России, при всей противоречивости самой системы и отношения к ней, показывают, что «известный культурный ренессанс серебряного века не состоялся бы, если бы не система классического образования» [20, с. 228].

Российская система образования, формировавшаяся в период активного приобщения России к культуре Западной Европы и явившаяся, в определенной мере, продуктом «политического заказа», детищем государственной инициативы, была создана по образцу западной и ориентировалась на классицизм, т. е. изучение древних языков, как основу фундаментальных знаний и способ формирования мышления, а также освоение культурного опыта западноевропейских стран в их тяготении к античности как формуле общечеловеческого начала. Теоретическое обоснование «классической» системы было дано С.С. Уваровым, с именем которого связана реформа, «усугубившая классицизм» как способствующий умственному развитию «во всех положениях жизни, без прямого отношения к какому-либо частному призванию и роду занятий».

Однако, упор на формальную сторону изучения древних языков, активно внедрявшийся в гимназические методики в начале реформ, и проблема отсутствия квалифицированных педагогических кадров, выразившаяся в XIX в. в засилье преподавателей-иностранцев и низком уровне подготовки отечественных педагогов, сыграли отрицательную роль в формировании общественного мнения.

Так, Дмитрий Мережковский, обучавшийся в 3-й Санкт-Петербургской Классической гимназии в конце 70-х – начале 80-х гг. писал, что это было «самое глухое время классицизма: никакого воспитания, только убийственная зубрежка и выправка» [15, с. 283]. У воспитанников гимназии сформировалось резко отрицательное отношение к обучению и преподавательскому составу. Так, один из известных гимназистов, в будущем член Государственной думы, отец писателя В.В. Набокова, утверждал в своих мемуарах, что на гимназии лежала печать тюрьмы [17, с. 14]. Действительно, Третья гимназия имела репутацию «наиболее классической из классических гимназий С.-Петербурга, существовавших в то время» [15, с. 282]. Учиться в ней было нелегко. Профессор Н.Я. Чистович, учившийся почти в одно время с Д.С. Мережковским, свидетельствовал: «...первые годы гимназии были почти сплошной зубрежкой: зубрили латинские слова и грамматику, зубрили по-гречески, по-немецки, по-французски. Зубрили и географию. И так шли первые пять лет: утром отсиживали 5 часов на уроках, вечером должны были готовить уроки по 5 предметам, и так изо дня в день. <...> Это

непрерывное сиденье над ничего не говорящими сердцу древними языками и вся бездушная система <...> вели к тому, что у воспитанников гимназии назревало отрицательное отношение к ней, у некоторых доходившее почти до ненависти» [8, с. 12–13]. Мережковский вспоминал гимназию как кошмарный сон, как средоточие гнета, скуки и схоластической бессмыслицы.

Время, потраченное на изучение латыни и греческого, становилось своеобразной данью, которую юность платила за гимназический аттестат «зрелости». Без этой дани и без этого аттестата путь к высшему образованию был для них закрыт. Добропорядочные и благонамеренные отцы семейства искренне сокрушались, что их здоровые и рослые мальчики, обладавшие отличным зрением, к концу гимназического курса обзаводились впалой грудью, близорукостью, расшатанными нервами: все эти недуги гимназисты получали из-за постоянной отупляющей зубрежки древних языков [32, с. 43]. Позднее, в зрелости, Мережковский усматривал во всем этом вполне определенный умысел: «Так укрощали в молодых сердцах/Вольнолюбивых мыслей дух зловредный», приготавливая юношей к уделу молчания и терпения [14, с. 44].

Однако, по свидетельству одного из современников, гимназическая система, задуманная для искоренения крамольных идей, а значит, и мятежных настроений, на деле сеяла в молодых умах ненависть ко всему существующему государственному укладу [12, с. 102]. И Д.С. Мережковский (сын действительного тайного советника) и В.Д. Набоков (сын министра юстиции) стали либералами, а их младший соученик по гимназии, Петр Струве, который впоследствии придерживался более консервативных взглядов, в молодости был одним из вождей революционного социал-демократического движения [6].

Между тем, Третья классическая гимназия по праву считалась одной из лучших в Петербурге. Учили там строго, «свирепо» (если воспользоваться словом Александра Блока), но во многом успешно, плодотворно. Из стен ее вышло немало замечательных, достойных людей: ученых, писателей, педагогов, юристов. Тот же профессор Н.Я. Чистович, оглядываясь на пережитое, должен был отметить «по справедливости»: «...гимназия приучила нас к труду и несомненно внушила стремление к знанию и высшим человеческим идеалам. Вспоминая своих товарищей по выпуску, я не вижу между ними «дельцов» в житейском смысле, напротив, почти все стремились в университет и многие посвятили себя науке» [8, с. 14].

Несмотря на то, что Дмитрий Мережковский писал, что у него «не было школы, как не было семьи» [3, с.3 08], обучение в гимназии стало одной из важнейших страниц его персональной истории. Именно на гимназические годы приходится пробуждение самосознания и таланта писателя. По свидетельству Бориса Ордина, окончившего Третью гимназию в 1886 г., Дмитрия окружала слава «золотого пера»: «Он был одним из немногих, почти единственный, успевший вызвать полное одобрение А.Д. Мохначева <...>, который верно и скоро оценил его литературное дарование» [8, с. 17]. К этому периоду относится сближение Дмитрия Мережковского с Евг. Соловьевым, «впоследствии публицистом и критиком», в котором он нашел интересного собеседника [15, с. 282]. В старших классах гимназии, всерьез увлекшись Мольером, Дмитрий Мережковский составил из соучеников «мольеровский кружок». Что касается негативного отношения Мережковского к «классической» системе образования, то, зная творчество будущего писателя, становится очевидно, что именно ей он обязан столь прочным и органичным усвоением древних слов и реалий.

90-е гг. XIX в., т. е. тот период, когда в гимназиях училось большинство авторов Серебряного века, был отмечен коренными положительными переменами и в системе образования, и в педагогике, как науке, и в методах, и в уровне подготовки, и в нравственном облике преподавателей. Этот перелом И.Ф. Анненский обозначил следующими словами, противопоставляя одиозным фигурам преподавателей из романов 510-летней давности нынешних своих достойных коллег: «Очень многое и очень резко изменилось и в курсе школы, и в ее идеалах, и в людях, которые в ней работают и даже в тех, которые в ней учатся» [2]. На рубеже XIX–XX вв. гимназий, где работал интересные, заинтересованные в своем деле педаго-

ги, становилось все больше. Прежде всего, это касалось частных гимназий, имевших определенную свободу в увеличении часов и возможность привлекать квалифицированных преподавателей. Среди московских учебных заведений можно отметить гимназию Франца Ивановича Креймана, в которой начинал свое обучение В.Я. Брюсов (1885–1889 гг.). Для преподавания Крейманом были приглашены лучшие по тому времени силы: религиозные предметы преподавал П.М. Хупотский – бакалавр Московской духовной академии, древние языки – будущий министр народного просвещения А.Н. Шварц, историю – П.П. Мельгунов.

В основу педагогической системы Креймана была положена выработанная в Западной Европе классическая образовательно-воспитательная программа, главной задачей считалась подготовка учащихся в университет. Как и в других классических гимназиях того времени, основной акцент в обучении делался на древние языки. Как вспоминал Д.И. Абрикосов, учившийся в гимназии Креймана почти в одно время с В. Брюсовым, «...в день было постоянно шесть часов занятий с одним перерывом на завтрак и прогулку во дворе. Два часа после обеда полагалось на домашнее задание, не говоря о разных домашних уроках рисования, музыки и английского, который, в отличие от французского и немецкого, не изучался в гимназии. Ежегодная сдача бесчисленного количества экзаменов под угрозой в случае провала остаться на второй год была настоящим испытанием для наших нервов. При этом мы были лишены возможности отдохнуть на спортивных занятиях, как это принято в зарубежных школах» [1, с. 48–49].

Из учителей, среди которых, по мнению Брюсова, «было немало чудачков и оригиналов», будущий писатель выделяет Юрия Францевича Виппера [7, с. 27–32], учившего географии. На Валерия Брюсова, как и многих других воспитанников, Ю.Ф. Виппер произвел впечатление «живым отношением к преподаванию» и безграничной любовью к науке и детям, качествами, столь редко встречающимися в классических гимназиях того времени [28, с. 716]. Помимо географии Брюсов отмечает интерес к рисованию (одно время даже «увлекался мечтами о будущем художника» [7, с. 30–35]) и истории. Преподавателем истории был П. Мельгунов, по выражению Брюсова, «человек безалаберный, пьяница, но талантливый». Он увлек будущего писателя рассказами о Востоке и Греции. «Ни одна наука не произвела на меня такого впечатления, – писал впоследствии Валерий Брюсов, – как внезапно открывшийся мне мир прошлого. Это впечатление имело значение для всей моей жизни» [7, с. 30–35].

Под влиянием идей Писарева, Конта, Спенсера Валерий Брюсов в гимназическую пору был «крайним республиканцем и на своих учебных книжках (кстати сказать, всегда изорванных) писал сверху стихи из студенческой песни, понимаемой <...> буквально: *Vivat et respublika!*» [7, с. 50]. «Соответственно этому, – пишет далее Брюсов, – я считал долгом презирать всякое начальство, от городского до директора гимназии. Мне было 14–15 лет» [7, с. 50]. Так, в пятом классе гимназии бунтарь-республиканец Валерий Брюсов начал единолично издавать рукописный журнал «Листок V класса», в первом «проводил свои излюбленные идеи» и «ожесточенно» нападал на порядки гимназии, обличал надзирателя в глупых шутках, учителей в несправедливостях [7, с. 53]. Первый же номер открывался статьей с характерным революционным названием «Народ и свобода». Согласно утвердившемуся в историографии мнению, именно скандал, вызванный изданием данного журнала, заставил последнего перейти в другую гимназию [26, с. 417–426]. Однако, как пишет сам Валерий Брюсов, решение о переходе было принято его отцом задолго до конфликта с администрацией и являлось одной из его «мимолетных причуд» [7, с. 56], которой, впрочем, поэт был очень рад. Дальнейшее обучение В.Я. Брюсов продолжил в излюбленной в символистских кругах гимназии Л.И. Поливанова.

Частная классическая гимназия Льва Ивановича Поливанова, основанная в 1868 г., отличалась от других учебных заведений того времени. Ее выбирала для своих детей московская интеллигенция, прежде всего университетские профессора. Она противопоставлялась и Креймановской, и казенным гимназиям, и Лицею цесаревича Николая, где предпочитала

учить своих детей аристократия. В гимназии царил особый дух, воплощением которого стал сам директор, Лев Иванович Поливанов, ярый противник «казенщины» и формализма. Демократичность гимназии проявлялась в отсутствии обязательной формы для воспитанников, в «свободном» выставлении оценок. Главным критерием при оценивании ответа или письменной работы служили интерес и глубина проникновения гимназиста в предмет изучения.

Андрей Белый в своих воспоминаниях писал, что «в 90-е годы это была лучшая московская гимназия. В ней отрицалась казенщина; состав преподавателей был довольно высок; преподаватели принадлежали к лучшему московскому культурному кругу; не одною силою педагогических дарований их должно оценивать, а фактом, что человек, интересующийся культурою, в них доминировал над «только учителем» [5, с. 105]. Л.И. Поливанов собрал очень сильный преподавательский состав. Так, в последних классах логику преподавал философ и психолог, профессор Л.М. Лопатин, латынь – профессор М.М. Покровский, историю – Ю.В. Готье, впоследствии академик. Л.И. Поливанов также привлек физика-философа Н.И. Шишкина и словесника Л.П. Бельского. Духовным и творческим центром стал сам директор, «не человек, а какая-то двуногая, воплощенная идея гениального педагога» [5, с. 110]. Л. Поливанов был специалистом широкого профиля: он предпочитал вести русскую словесность и латынь, но мог при желании преподавать и древнегреческий, и любой из основных европейских языков [5, с. 115].

Методика преподавания Льва Николаевича заслужила высокую оценку учеников. По словам А. Белого, уроки Поливанова превращались в «интереснейшую игру». Особенно поэт отмечает культуроформирующую роль этих уроков: «...изучали Аристотеля... За это время пред нами вставал не только Аристотель, не только драматическая культура греков – вставало значение театра как рычага и конденсатора культуры» [5, с. 279, 282]. Масштабы личности Поливанова, по мнению Белого, сопоставимы с гигантами Возрождения.

Безусловно, дух и традиции гимназии не противоречили ее основной цели – подготовки к университету – и не исключали изучение древних языков. «Поливановцы», как и воспитанники других гимназий, просиживали часами за зубрежкой латинской грамматики и переводами Цезаря, что вызывало в них протест и недовольство «толстовской системой» «громленья мозгов» [5, с. 250]. Однако учрежденная в то время, когда еще само правительство колебалось в выборе системы гимназического курса, гимназия Л.И. Поливанова с самого основания выработала своеобразный характер школы, где изучение древних языков и авторов было приведено в согласие с изучением языка и словесности русской. В этом направлении были составлены и учебники, и пособия по родному языку Л.И. Поливанова – одного из культурнейших людей того времени, – назначаемые им для гимназического курса [22, с. 1–5]. Русская словесность и вообще русский язык проходились в поливановской гимназии так, как нигде [18].

Именно Льву Ивановичу Поливанову были обязаны выпускники своим интересом и любовью к русской классической литературе: к Жуковскому, Полонскому, Гоголю, Толстому, Достоевскому. Не принуждение, а дух, господствовавший в гимназии «делал то, что их знали все» [7, с. 73]. Особо в гимназии почитался Пушкин, «красоту и глубину» произведений которого Л.И. Поливанов умел раскрывать перед учениками особенно ярко.

В «Автобиографии» Брюсов признается, что действительно понял и действительно принял Пушкина «в душу» не ранее, как в 1890 г., т. е. с момента поступления в гимназию Л.И. Поливанова. Прекрасный знаток Пушкина [22, с. 1–5], Поливанов вдохновил учеников на изучение сочинений и биографии поэта, на творчество в сфере искусства и художественной литературы [31, с. 29]. По словам Андрея Белого, «его требования рассказать не от себя, а от Пушкина, по Пушкину были апелляцией к процессу нашего вживания в стиль Пушкина» [5, с. 230].

Учитывая значение, которое имело имя Пушкина для русской культуры Серебряного века, данный факт можно назвать одним из важнейших событий в жизни как Валерия Брюсова (В. Брюсов стал издателем сочинений А.С. Пушкина, автором многих статей о поэте;

посмертно в 1929 г. издана его книга «Мой Пушкин» с библиографическим указателем «Пушкинские работы В.Я. Брюсова»), так и Андрея Белого. Ведь пушкинская тема прошла лейтмотивом через всю биографию Белого. «Почему так торжественно предполагается celebrate столетие со дня рождения А. С. Пушкина?» – так называлось его выпускное гимназическое сочинение. Как сознательное развитие пушкинского «петербургского мифа» писал он свой самый знаменитый роман «Петербург» (отдельное издание – 1916 г.). Пушкинский стих стал объектом его глубокого исследования в книге «Ритм как диалектика и «Медный всадник» (1929 г.). До самой смерти Белого в его комнате на стене висел портрет Пушкина (вместе с портретами отца и М.В. Ломоносова). Поэт П.Н. Зайцев, подаривший ему этот портрет Пушкина (репродукцию с гравюры Т. Райта), записал в мемуарах следующие слова Белого, объясняющие, почему именно эти портреты он держал перед глазами: «Другое как-то убираешь глубоко внутрь ... и выступают: Пушкин, Ломоносов...» [27, с. 59].

Для творческой интеллигенции начала XX в. Пушкин был солнцем, дающим жизнь, своеобразной точкой отсчета, камертоном, по которому настраивалась мысль. «В каком-то смысле – писала Н.Я. Мандельштам, – все русские поэты вышли из Пушкина, ухватившись за одну ниточку в его поэзии, за одну строчку, за одну интонацию, за что-то одно во всем пушкинском богатстве» [33, с. 429–430].

Культ Пушкина, увлеченная искусством творческая личность Л.И. Поливанова, энергетика и лекции которого также побуждали к творчеству, особая культурная атмосфера превратили гимназию, вопреки, быть может, воли ее директора и уж точно вопреки его ожиданиям, в «кузницу» московского направления Серебряного века. Гимназистами поливановцами были: В.Я. Брюсов, Б.Н. Бугаев (А. Белый), Л.Л. Кобылинский (Эллис), М.А. Волошин, В.Г. Шершеневич, С.М. Соловьев, создатель классических переводов античной поэзии С.В. Шервинский, профессор философии и психологии Л.М. Лопатин, искусствовед, драматург В.Е. Гиацингов, актеры – В.В. Лужский, М.П. Садовский, А.А. Федотов, театральный художник и портретист А.Я. Головин и многие другие выдающиеся личности. Не случайно Андрей Белый с гордостью отмечал, что он «ученик класса словесности Поливанова и как воспитанник «Бугаев» и как «Андрей Белый» [5, с. 285].

Гимназию Л.И. Поливанова можно назвать школой художественно-эстетической по преимуществу. Целью школы было воспитание личности гуманиста – творческой личности, способной к успешной самореализации в различных областях искусства и науки. Это был действительно новаторский для своего времени проект нового типа учебного заведения, в котором осуществлялись демократические подходы к воспитанию, утверждались гуманистические идеи уважения личности учащихся, свободного развития духовных потребностей и творческих способностей детей [30, с. 14].

В отличие от Андрея Белого и Валерия Брюсова, гимназические годы Александра Блока были не столь яркими и интересными. С поступлением в гимназию будущий поэт попал в среду, не свойственную его интеллектуальному развитию и культурному уровню. «Дворянско-интеллигентская атмосфера» его детства разбавилась струей мещанско-бюрократической» [29, с. 35]. В письмах матери Александр Блок писал: «Гимназия страшно плебейская и совсем не вяжется с моими мыслями, манерами и чувствами. Впрочем, что ж? Я наблюдаю там типы купцов, хлыщей, забулдыг и проч. А таких типов много, я думаю больше и разнообразнее, чем в каком-нибудь другом месте (в другой гимназии)» [24, с. 20].

Введенская гимназия (позднее, гимназия Петра I), в которой учился Блок, была выбрана его матерью, по словам М. Бекетовой, из чисто практических соображений: «ходить приходилось недалеко, и на пути не было мостов, а стало быть, меньше шансов для простуды» [4, с. 58].

Гимназический период жизни Блока приходится на период, когда «толстовская классическая система преподавания вырождалась и умирала, но, вырождаясь, как это всегда бывает, особенно свирепствовала: учили почти исключительно грамматикам, ничем их не одухотворяя» [21, с. 59]. В письмах к матери в старших классах гимназии передается негативное

отношение Блока к системе гимназического образования: «Гимназия надоела мне страшно, особенно с тех пор, как я начал понимать, что она ни к чему не ведет», «В гимназии настолько много идиотизма, что у меня заболела голова, впрочем, прошла, когда я оттуда выбрался» [24, с. 25].

Тем не менее, как сообщает М. Бекетова, Блок всерьез увлекся древними языками и «когда он в средних классах начал переводить Овидия, учитель стал щедро осыпать его пятерками, что и помогло ему хорошо окончить курс в 1898 году» [4, с. 145]. В целом, в гимназии Александр учился «неровно». Сложнее всего давалась математика [4, с. 153]. Русский язык и литература в гимназии сводились к формальным приемам и ничего нового развитому в культурном отношении Блоку дать не могли. На товарищей и учителей Блок производил впечатление рафинированного и безупречно воспитанного мальчика [13, с. 55]. По словам одного из одноклассников, Блок «скромно цвел» среди «всей этой кутерьмы гимназического бедлама» [19, с. 29], «молодое буйство товарищеской ватаги как будто бы не задевало его» [19, с. 56].

Анализируя роль гимназического образования в становлении личностей авторов Серебряного века, нельзя не отметить влияния античного наследия. Одно из значений «классического» образования заключалась, прежде всего, в том, что в отличие от сознания интеллигенции середины XIX в., для коллективного сознания поколения конца XIX – начала XX вв. античность стала «привычным языком, без мысленного перевода» на который оно не могло обойтись» [25, с. 79]. Именно это проникновение в духовный мир другой культуры через ее слово, прошедшее через душу воспринимающего читателя, обусловило *энтелехию* античной культуры в культуре Серебряного века [11].

Литература

1. Абрикосов Д. Судьба русского дипломата. М., 2008.
2. Анненский И.Ф. В защиту дисциплины (неопубликованное письмо из серии «Педагогические письма») / РГАЛИ, ф. 6, оп. 1, ед. хр. 215, л. 2.
3. Бавин С., Семибратова И. Судьбы поэтов Серебряного века. М., 1993.
4. Бекетова М.А. Александр Блок. Биографический очерк // Бекетова М.А. Воспоминания об Александре Блоке. М., 1990.
5. Белый А. На рубеже двух столетий. М., 1989.
6. Бойд Б. Владимир Набоков: Русские годы. СПб., 2010. (<http://lib.rus.ec/b/252424/read>)
7. Брюсов В.Я. «Я выросал в глухое время...» // Собр. соч.: В 7 т. Т. 3. М., 1974.
8. Быстров В.Н. Дмитрий Мережковский и Зинаида Гиппиус. Петербургская биография. СПб., 2009.
9. Воскресенская М.А. Символизм как мировидение Серебряного века: Социокультурные факторы формирования общественного сознания российской культурной элиты рубежа XIX–XX вв. Томск, 2003.
10. Иванов Вяч. По звездам. СПб., 1909.
11. Иванова О.Ю. Античность как энтелехия культуры Серебряного века. Дисс. ... канд. культ. наук. М., 1999.
12. Кизеветтер А.А. На рубеже двух столетий. Прага, 1929.
13. Княжин В.Н. А.А. Блок. 1922.
14. Мережковский Д.М. Старинные октавы // Мережковский Д. С. Собр. соч. В 4 т. Т. 4. М., 1990.
15. Мережковский Д.С. Автобиографическая заметка // Русская литература XX в. / Под редакцией проф. С.А. Венгерова. Т 1. М., 1915.
16. Мережковский Д.С. Вера // Русская мысль.
17. Набоков В.Д. Петербургская гимназия сорок лет тому назад (Страничка воспоминаний) // Новая Россия, 1922, № 1 (апрель), 22.
18. Некролог Л.Л. Толстого // Русские ведомости. 1899. 23 февр. № 54
19. Немировская О., Вольпе Ц. Судьба Блока. М., 1930.

20. Носов А.А. К истории классического образования в России (1860 – начало 1900 годов) // Античное наследие в культуре России. М., 1996.
21. Орлов В.Н. Гамаюн. Жизнь Александра Блока. М., 1981.
22. Памяти Л.И. Поливанова. М., 1909.
23. Памяти Ю.Ф. Виппера // Русские ведомости. 1891. 28 апр. № 114.
24. Письма Александра Блока к родным. Т. 1. М.-Л., 1927.
25. Полевой В.М. Античность и неоклассика в искусстве начала XX века // Проблемы античной культуры. М., 1986.
26. Святополк-Мирский Д. Валерий Яковлевич Брюсов // Современные записки. 1924. № 22.
27. Спивак М. Три жизни: Мемориальная квартира Андрея Белого на Арбате // 2005. Наше Наследие. № 75–76.
28. Станюкович В.К. Воспоминания о В. Я. Брюсове / Публ. Н. С. Ашукина и Р.Л. Щербакова. ЛН, 1976. Т. 85.
29. Цинговатов А. А. Блок. М., 1926.
30. Шаропова Е.Л. Гуманистическая направленность педагогической концепции Л. И. Поливанова: Дисс. ... канд. пед. Наук. Смоленск, 2002.
31. Шмидт С. Арбат в истории и культуре России // Арбатский архив: Историко-краеведческий альманах. Выпуск II. М., 2009.
32. Экштут С. «В начале жизни школу помню я» // Родина. Специальный выпуск. 2010.
33. Мандельштам Н.Я. Вторая книга. Париж, 1972

Антиисторицизм и проблемы исторического познания

к.и.н. Рыбина М.В.

Университет машиностроения

rybina@mami.ru

Аннотация. Настоящая статья посвящена критике традиционной философии истории, сформированной в середине XX в. в рамках философии неопозитивизма. Автор анализирует концепцию антиисторицизма К.Р. Поппера и ее влияние на развитие исторической науки, в частности, становление теорий индустриального и постиндустриального общества.

Ключевые слова: историческое знание, неопозитивизм, антиисторицизм, Поппер, теории индустриального и постиндустриального общества, теория модернизации

В конце XIX в. в философской мысли Запада сложился т.н. традиционный (трансцендентальный или субстанциональный) взгляд на исторический процесс, нашедший свое выражение в философии духа Г. Гегеля. Традиционная философия истории признавала наличие некой трансцендентальной субстанции – основы исторического бытия, разворачивающейся в процессе его развития и задающей ему определенную цель. Такая концепция исторического процесса предполагала прогрессивную направленность истории и ее членение на всемирно-исторические эпохи – ступеньки на пути реализации трансцендентальной цели. Подобная интерпретация исторического процесса открывала для исторической науки определенные перспективы – возможность увидеть внутренние закономерности исторического процесса, определяющие движение истории в ее целостности. Вместе с тем очевидная умозрительность традиционной философии истории, а также события XX в. (прежде всего, две мировые войны), поколебавшие веру в прогрессивное развитие человечества, обусловили критику субстанциональной истории, породившую в свою очередь самые разные подходы к пониманию сущности исторического бытия.

В настоящей статье мы остановимся на, пожалуй, самом радикальном варианте критике традиционной философии истории, сформировавшейся в рамках неопозитивизма. Речь пойдет об антиисторицизме известного философа и социолога XX столетия К.Р. Поппера, сфор-